

VII НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ДОКЛАДЫ

УДК 39:801. 31: 215

ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРАДАНИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

И.В. Бардыкова

Белгородский государственный университет, 308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

Данная статья предлагает к рассмотрению тезис о том, что страдание является основным концептом Православия, ведущим свою историю с Восточной Церкви IV–VIII веков. В статье показана этимология лексемы «страдание», определены семы термина и их значения. Автор определяет место концепта страдания в структуре христианской антропологии и народных верований и иллюстрирует диапазон значений термина в текстах Восточных отцов Церкви и языческих воззрениях славян.

Ключевые слова: страдание, страсть, искупление, вина, грех, страх, жалость.

Изучение феномена страдания как фундаментального концепта христианства, его проникновение на языческую почву и дальнейшее переосмысление данного феномена в русле народной фольклорной обрядовости всегда представляет собой особую значимость для изучающих русскую культуру и менталитет. Попытка наметить основные смысловые узлы понимания представленного феномена страдания в христианской антропологии и проанализировать содержание и сущность феномена страдания, вошедшего в основание не только русского религиозного дискурса, но и всей славянской культуры в целом послужила основанием сделать выводы о культуробразующем значении страдания для славянской цивилизации в целом.

Страдание – греч. *πάθημα*, *πάσχω*, «страдание, болезнь, мучение», считают родственными греч. *στρηνής*, *στρηνός* «острый, грубый», лат. *strēnuus* «усердный, предприимчивый» – является фундаментальным концептом христианства, смысл которого сводится к отречению от себя, отказу от собственной воли и устремленности человека ко Христу. «И кто не берет креста своего и следует за мною, тот недостоин Меня» (Мт.10:38). Отцы Церкви говорили о благодатности страдания, о страдании как особой «печати Божьей»: «Слава Богу за все скорбное, случающееся с нами! Кому попускаются скорби, тот, значит, помянут Богом в Царствии Его; а кто живет безскорбно, тот забвен Богом» [1]. В христианском понимании страдания человека соотнесены со страданиями (страстями, гр. *πάθος*, *παθήμα*, лат. *pathos*) Христа и Его крестной смертью. «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1Петр.3:21), «...с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:17). По В. Далю, страдать – значит «биться, бороться, бедовать, мучиться, маяться» [2], производное от *страда* «работа, нужда». В философском словаре страдание подразумевает «претерпевание, противоположность деятельности» [3.С.655]. «Отстрадавали, хлеб убран», «обстрадаешься – обтерпишься» – народная мудрость выявляет обе семы в семантике лексемы «страдать», т.е. *труд* и *терпение*.

Трансформация рассматриваемого феномена происходила под влиянием церковных проповедей, святоотеческой литературы, агиографической и апокрифической традиций, и прежде всего Св.Писания. Попадая на Русь из Византии через

южнославянские земли и постепенно адаптируясь в новой этнокультурной среде, эти памятники книжно-рукописной традиции приносили новые смыслы в старые, бытовавшие на русской почве народные формы. Подобные формы оказались пригодными для наполнения христианизированным содержанием. Переосмысление старых сюжетов стимулировалось христианской идеей воздаяния – награды за добродетель и возмездия за прегрешения и накладывалось на старые представления о страдании как процесса косьбы и сбора урожая.

Интересно отметить, что ст.-слав. СТРАДАТИ («стараться, добиваться», из *strad-ть), А.Вайан [4.С.895] производит от *srā- вместе со *страхом*, *страстью*. С христианством возникло понятие «страх Божий», т.е. «благочестие, боязнь *греха*» [2.С.336]. В Словаре современного русского литературного языка в семантическое поле лексемы «страдание» вводится сема *тоска* [5.Стб.985], т.е. «стеснение, притеснение» [6.С.1057], «страдать тоской», а с ней и связанная *скука*. Таким образом, в семантическое поле лексемы «страдание» входят понятия страсти, страха, греха, тоски, скуки.

Восточная христианская традиция актуализирует такие элементы семантического поля, как «*страх (боязнь) – грех – страдание – искупление*», тогда как исследование концептуально поля «*тоска – скука*» более характерно для философско-религиозной и литературной традиции.

Личность в православной антропологии рассматривается в *единстве* духовных, душевных и телесных проявлений (в целостности телесной – σῶμα, душевной – ψυχή, духовной – πνεῦμα – сущностей), обладающая сознательной волей (voûς) и со-ведением – совестью – συνείδησις. Единство же достигается только при условии преобладающего влияния сферы духа. По словам Никодима Святогорца, «дух твой, ищущий Бога Небесного, да властвует над душою и телом, назначение которых устроить временную жизнь» [8]. В этом единстве и заключается здоровье – норма человеческой жизни.

Св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» разделяет все страдания на страдания телесные и душевные. К первым он относит болезни и раны, ко вторым – похоть и гнев – следствия страстей. По мнению Дамаскина, «естественные» боязнь, страх и борение принадлежат к числу «беспорочных страстей», которые не причисляются к греховным [7.С.190]. Телесному чувству не дано ведение добра и зла: оно воспринимает мир в категориях наслаждения. Вместе с тем, подчеркивает прп. Максим Исповедник, к любому наслаждению примешивается «тягота страдания». Это происходит прежде всего потому, что, будучи «пассивными» состояниями, переживаемыми человеком, наслаждение и страдание имеют общий корень – страстность человеческого естества. В результате определяющими мотивами человеческой телесной деятельности стали желание наслаждения и страх перед страданием.

В христианской антропологии страдание описывается как результат реализации человеческой свободы. Дьявольское искушение и своеволие, проявленное человеком в акте вкушения плода с древа познания добра и зла, стало основой рождения его страстной/страдательной природы. Тело, удовольствия, страсти и грехи теперь стали определять сущность человека, телесные удовольствия которого стали ассоциироваться со страданием и страстями. Корни понимания природы страсти лежат в Новом Завете, в котором страсть (πάθος, πάθημα) определяется как сильное желание чего-то запрещенного (Гал.5:24. Кол.3:5). Прп. Максим Исповедник анализирует два созвучных греческих слова: ὀδύνη – боль, страдание (физические последствия грехопадения), и ἡδονή – удовольствие, влечение к чувственным наслаждениям. Παθητόν – страстность, подверженность страданиям, «естественным страстям»: голоду, холоду, жажде и другим элементам тления. «Эта страстность введена была по причине греха в осуждение закона греха – удовольствия, как наказание страданием за удовольствие, как «грех» естества, явившийся необходимым следствием греха произволения» [9. С.196]. Таким образом, как замечает С.М.Климова, «семантика слова «страсть» обнаруживает заключенный в ней амбивалентный характер чувств удовольствия и страдания» [10. С.48.].

Проявление чувственности, отягощение разума приземленными мечтаниями и поисками наслаждения – это и есть основная причина страданий. Страдание стало характеристикой, имманентно присущей человеческому естеству как телесно-душевно-духовной сущности. Следовательно, страдание условно можно разделить на телесное, душевное и духовное.

Телесные (или плотские) страдания – это *страдания-удовольствия*, физические характеристики, соединившие *чувствительность, тленность и смертность* человека – следствие получения «кожаных риз». *Душевные* страдания (или страсти) оказываются так или иначе «сращенными» с телесными. Отцы Церкви, анализируя душевные силы человека, наделяли душу природной волей («желательное начало души»), чувствованием и своеволием («чувствующее», по Григорию Нисскому, «яростное» (Максим Исповедник) начало) и разумом («умная» или «мыслительная сила души» [11. Гл.VIII]). Душевное нездоровье есть подавление воли страстями, когда воля «пленена» чувствованиями, зависима от внешних причин, сознательно или бессознательно воздействующих на нее.

Духовные страдания являются основой всех других страданий. Гордыня – вот врожденный порок, который и «приводит в движение» все душевные, а затем и телесные страдания. Гордыня «питает» такие душевные страсти (страдания), как тщеславие, обман, гнев, зависть, похоть, которые «провоцируют» телесные – блуд, объедание, пьянство и т.д.. В христианской антропологии состояние человека определяется высшим началом человека – его духом: "Дух есть прежде всего способность человека различать высшие ценности: добро и зло, истину и ложь, красоту и уродство. Если выбор в этой области сделан, то дух стремится подчинить своему решению душу и тело. Через свой дух человек общается с Богом. Без общения с Богом дух человека не способен найти настоящий критерий для определения высших ценностей», – пишет Феофан Затворник [8]. «Но часто и разум (логос) умерщвляется склонностью и расположением к бессловесному, закрывая лучшее худшим. Потому что, коль скоро кто-нибудь унизит до такого разумевательную энергию и заставит разум (λογισμῶν) стать слугой страстей, то произойдет извращение черт благого в бессловесный обаз, в котором изменит свои черты вся природа, а разум, как земледелец, будет возделывать начатки страстей, понемногу выращивая их до множества» [11. Гл.XVIII]. Таким образом, духовное нездоровье есть подавление разума страстями.

После грехопадения в человеке стала господствовать телесно-душевная сущность и лишь во вторую очередь его духовность. «Воля к телу» стала доминантной энергией рождения и развития всех человеческих страстей. Воля, по Максиму Исповеднику, – это «желательная способность души». Но нельзя не отметить, что М.Фасмер выделяет греч. ἐπιθυμεῖν, θέλει «жалеть», родственное греч. θέλω «желаю», имеющие в ст.-слав. единое производное *жаль/жель* (с перегласовкой o/e), того же корня, что и лит. gelti «очень болеть», нем qual «мучение, страдание». Таким образом, естественной волевой способностью души является «желание жалеть», стремление к жалости, со-страданию: «Сейчас я страдаю потому, что терплю за себя, а тогда я буду страдать за другого [т.е. Христа] и этот другой будет во мне и будет страдать за меня» [12.С.92.]. Страдание как со-страдание и является тем, что принес Христос в мир как «меру человеческого» в человеке, отменив ветхозаветный Закон. Более того, страдание в христианстве обнаруживает свою антиномичную составляющую: являясь злом, страдание становится единственным условием его преодоления.

Проблема соотнесения и взаимовлияния в славянском мироощущении и религиозном сознании языческих и христианских воззрений, проблема «наложения смыслов», проникновения и переплетения христианских и языческих представлений приобретает в контексте современной культурной ситуации фундаментальную значимость. Христианство восприняло довольно большой ряд слов, понятий, атрибутов и структур, восходящих к языческой традиции: «бог», «спас», «святой», «пророк», «молитва», «жертва», «крест», «воскресити», «обряд», «треба», «чудо», которые в памяти

культуры остались закрепленными за традицией христианской. «Претерпевание телесное» в славянской мифологии противопоставляется «претерпеванию духовному» в свете христианской традиции. «Культ телесной силы и мощи» в язычестве не принимает во внимание «возрастание в духе», христианская же традиция, не отрицая телесный труд, обоживает его, перевоплощая в «святую телесность», что можно выразить греческим понятием *περιχώρησις* – «сопроникновение», которым пользовались отцы Церкви, рассматривая две природы и две воли Христа. Христианство впервые заговорило о непрестанной и мужественной «духовной брани», «возрастании в духе», непосредственно связанными с «доброделанием» (Н.Святогорец), и это стяжание Божественных энергий оказалось средством преодоления духовного и телесного противостояния.

Логика язычества не могла отделить переживание страдания от логики аграрной культуры, от его предметного воплощения в образе «претерпевающей» Матери Земли, земли-родительницы (*страда* – пахотная земля), чей образ впоследствии совпал с христианским образом Богородицы. Идея святости земли воспитывала в русских людях идею святости русской женщины, жещины-сострадающей матери. Образ любви-жалости лишил женщину в русской культуре откровенных эротических коннотаций (как, допустим, в античности) и наделял чертами асексуальности и материнства. Культ земли придавал женщине черты стихии, буйства, непостоянства и одновременно мудрости, плодоносности, родственной близости. Страдание как компонент страсти становится важнейшей характеристикой русской культуры. Типично русская форма частушек – «страданий» – выразила природу любви как любви-страсти. Фольклорные тексты изобилуют частушками-«страданиями»: «Я страдала днём и ночью, / Настродала сына с дочью»[13. 2117], «Страдатель мой, страдай со мной, / Куда пойдёшь – возьми с собой. / Страдатель мой, страдай со мной, / Не хочешь страдать – ступай домой»[13.1553], «Ну, какой же ты страдатель: / Трёх копеек не истратил. / Страдатели, страдатели- / Лучше отца и матери»[13.1556] и мн.др.

В период христианизации если страсть не рассматривается в жертвенном контексте, то ей придается явно отрицательный смысл влечения, неразумного хотения, необузданности плоти. Сфера сексуальности, жизненной силы, страдания-страсти получают отрицательную коннотацию, становится частью учения о страстях. Поэтому Добротолюбие и другие святоотеческие тексты обнаруживают отсутствие лексемы страдание, в противовес таким лексемам, как «печаль» и «скорбь».

Страдание в народной культуре рассматривается как синоним горечи, горения и прочно связано с образом огня. Голод, жажда, желание, любовь, печаль, горе, радость, гнев представлялись народу и изображались в виде огня. Слова, означающие желание, прямо примыкают к понятию голода и жажды, а через них к горящему внутри человека огню. *Желать* – сродно с *жалить*, *жалеть* и *гореть*: «Ярко желают, да руки поджигают». Обыкновенно в песнях сближение слов *жарко* и *жалко*: «Загрібай, мати, жар, жар, Чи не буде дочки жаль, жаль». *Печаль* происходит от *печь*, *горе* однородно с *гореть*, *скорбь* однокоренная с *заскорбнуть*, *засохнуть*, *скорбный*, *сухой*. *Сухота*, забота, печаль, от *сух*, откуда малороссийский глагол *сушувать* – горевать. *Рыдать* – плакать *горько* или *от горя* – усиленная форма того же коря, что и в ст.-сл. *ръдѣти* – рдеть, краснеть, гореть. *Гнев* может быть сближено со ст.-сл. *гнѣ-ти-ти*, польск. *nieśić*, нем. *nititi*, *зажигать*, откуда *загнетка*, *загнивка* – место в печи, куда сгребаются уголья, со словами *гнить*, *гной* (гниение тоже представляется огнем: тлеть значит гнить и гореть медленно). *Ярость* тоже относится к огню, так как родственные ему слова имеют значение света и ярких цветов. Ст.-сл. *язва*, болезнь, рана, и хорутанское *jeza*, гнев, *jeziti se*, сердиться, яросл. *яжжитъ*, вздорить, визжать – также одного происхождения. Как в языке, так и в народной поэзии понятия желания, любви, печали сродни между собой, потому что выражаются в одних и тех же образах внутреннего и внешнего огня-страсти/страдания.

Гневливый – злой в нравственном отношении. Символами злости являются змея, оса, крапива – то, что жалит. Легенда гласит, что в Великороссии тот, кто хочет сохранить

любовь женщины, «находит змею, рогулькою придавливает к земле ее голову и продевает иглу с ниткою сквозь глаза, говоря при этом: «Змея, змея! Как тебе жалко своих глаз, так бы NN любила меня и жалела: потом из сала этой змеи делает свечку и зажигает ее, как скоро заметит охлаждение в любви» [14. С.22]. «То же средство, – продолжает А.А.Потебня, – служит и для того, чтобы наслать на врага несчастье и смерть: между русским населением Подлесья ведется обычай ставить свечку Матери Божьей, чтобы враг истаял, как эта свеча» [14.С.23].

«Любовь пожар, а загорится – не потушишь». Гореть, горение, горелки, огненная страсть вызывала ощущение опасности и тревоги: «Всякое тревожное ощущение, всякая страсть принималась младенческим народом за нечто наносное, напущенное... Чувство любви есть также наносное; те же буйные ветры, которые пригоняют весной дождевые облака, раздувают пламя грозы и рассыпают по земле семена плодородия, – приносят и любовь на своих крыльях, навевают в тело белое, зажигают в ретивом сердце. Кто влюблен, тот очарован. Возбуждая тайные желания, безотчетную грусть и томление любовь понята народом как грызущая, давящая тоска, заставляющая юношу или девицу изнывать, сохнуть, таить» [15; с.115]. У славян огонь служил символом мужского начала, которое вместе с водой и светом создало все живое на земле. Посыпание головы пеплом становится знаком неутолимого горя (пепел – удвоенная форма от *плати*, *пылати* – продукт горения). С приходом христианства огонь становится символом религиозной страсти и горения, символом Духа и Бога, знаком очищающим и карающим одновременно, а горящий, но несгорающий куст – символом девы Марии, родившей Христа «без истления».

Таким образом, в русской культуре обнаруживаются характеристики страдания как страсти, стихии, огня, обжигающего человека, и страдания как жертвенности, жалостливости, со-страдания, покровительства, защиты. Таким образом, сопоставив этимологию понятий «страсть» и «страдание», мы можем сделать вывод, что они сопряжены через чувство сострадания, боли, муки, переживания, смерти, которую содержат в себе эти явления. Являясь интегральной составляющей религиозного космоса, страдание в христианстве принадлежит к *пограничной* области человеческого бытия, обнаруживая как свою мерность – бытийную составляющую, так и сверхмерность – инобытие в Боге, являясь частью смыслового наполнения как святости, так и страстности, тем самым обнаруживая свою амбивалентность.

Перспективы данного исследования видятся:

во-первых, в возможности более широкого рассмотрения концепта страдания в системе православия и православной антропологии;

во-вторых, в возможности дальнейшего анализа культуробразующей функции концепта страдания, и его представленности в иных типах культур;

в-третьих, в углубленной аналитике духовных процессов культурного ландшафта России.

Список литературы

1. Святитель Игнатий (Брянчанинов) Письма к монашествующим. Письмо №36. <http://anb.nnov.ru/letters/letter.php?id=36>.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. М., 1955. Т.IV.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред: Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. М., 1983.
4. См.: Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд.3-е, испр. и доп.. М., 2004.
5. Словарь современного русского литературного языка. Изд-во Акад.Наук СССР. Москва-Ленинград, 1963. Т14.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х тт. М., 1958. Т.III.
7. Св.Иоанн Дамаскин Точное изложение православной веры. М., 2004.
8. Православный Катехизис//Библиотека Якова Кротова (<http://www.krotov.info/index.htm>).

9. Епифнович С.Л., Сидоров А.И. Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 2: Вопросы к Фалассию. Часть 1.
10. См.: Климова С.М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. Спб., 2004.
11. Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб.: Аxiома, 2000.
12. Живов В.М. Святость // Живов В.М. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С.92.
13. Частушка / Предисл. В.Ф. Бокова; Вст. ст., подгот. текста и примечания В. С. Бахтина. – М.-Л.: Сов. Писатель, 1966.
14. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000.
15. Афанасьев А.Н. поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т. М.: Индрик, 1994. Т.1. С.115.

HEATHEN AND ORTHODOX VIEWS ON SUFFERING

Irina Bardykova

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308008, Russia;
e-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

This paper is submitted the thesis about suffering as the main concept of Orthodox, leading from Eastern Orthodox Church IV–VIII c. The author has revealed the etymology of suffering and has determined semis of the term and definitions this one. The author has fixed the position the concept of suffering in the structure of Christian Orthodox anthropology and heathen views and illustrated the range of meanings of suffering in the texts of Church Fathers and folk etymology.